

Кузина И.Л.
Kuzina I.L.

СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ МОЛОДЕЖИ 30-х ГОДОВ

SOCIAL AND LIVING CONDITIONS OF THE YOUTH IN THE FAR EASTERN REGION IN 1930-IES

Кузина Ирина Львовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), 681013, Комсомольск-на-Амуре, проспект Ленина, 27, 89141796393. E-mail: kuzina_irina@inbox.ru

Ms. Irina L. Kuzina – PhD in History, Associate Professor at the Department of History and Archival Sciences, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin pr. E-mail: kuzina_irina@inbox.ru

Аннотация. В статье проанализированы социально-бытовые условия жизни дальневосточной молодежи в 30-е гг. XX в. Выделены особенности жилищного вопроса на Дальнем Востоке. Выявлено влияние неблагоприятных социально-бытовых условий на состояние здоровья, психологию, социальное поведение и коммунально-бытовую культуру молодежи Дальнего Востока.

Summary: The paper offers analysis of social and living conditions of young generations in the Russian Far East region in 1930-ies. Some specific aspects of the housing problem in the Far East are emphasized. The impact of negative social/living conditions upon psychical and psychological health, social behavior and household culture of the youth of the Far East is demonstrated.

Ключевые слова: жилищные условия, мобилизации, новостройки, коммунальное хозяйство, коммунально-бытовая культура, социально-бытовые условия, повседневная жизнь, советский Дальний Восток в 30-е годы, советская молодежь.

Key-words: living conditions, mobilization, new buildings, utilities, public utility and domestic culture, social/living conditions, daily life, the Soviet Far East in 30 years, soviet youth.

УДК: 316.35/356.2

Социально-бытовые условия являются одним из важнейших показателей качества жизни человека. Степень обеспеченности населения жильем и пути решения жилищной проблемы отражают не только средний уровень благосостояния общества и особенности его коммунально-бытовой культуры, но и характеризуют общий уровень развития государства, особенности его социально-экономической политики.

Советская власть в 30-е гг., призывая молодежь на новостройки Дальнего Востока, предупреждала о трудностях, с которыми придется столкнуться в малообжитом крае. Однако большинству приезжавших молодых людей пришлось столкнуться с гораздо более тяжелыми условиями жизни и труда, чем они ожидали.

Жилищные условия – одна из важнейших характеристик жизненного уровня населения. Дальневосточная окраина в этом плане относилась к одному из самых неблагополучных регионов страны, где в связи с высоким уровнем миграции жилищная проблема имела особую остроту. Жилья не хватало, его строительство заметно отставало от потребностей быстрорастущего населения.

В 1930 г. краевой комитет ВКП(б) отмечал: «Перебои и низкие нормы снабжения, наличие острого жилищного кризиса в большинстве рабочих районов края, недостаток на рын-

ке предметов домашнего обихода, одежды, обуви, все это больше, чем в каком-либо районе СССР, создает у нас чрезвычайно тяжелые условия жизни и быта рабочих» [2, 67]. При обследовании жилищно-коммунального хозяйства Дальневосточного края в 1933 г. было дано заключение о его неудовлетворительном состоянии. В то время как за 1931 – 1933 гг. рост населения городов составил 52 %, жилищная площадь возросла лишь на 5,5 %. Из года в год шло падение душевой нормы на жилую площадь, если в 1923 г. она составляла 7,4 кв. м, в 1927 г. она снизилась до 5,7 кв. м и далее шла на снижение: 1928 г. – 5,5 кв. м; 1929 г. – 5,0 кв. м; 1930 г. – 4,4 кв. м; 1931 г. – 3,8 кв. м (см. прим. 1). По отдельным городам и рабочим поселкам дело выглядело еще хуже. Так на Артемовских и Сучанских угольных копиях душевая норма в 1932 г. составляла 1,5 кв. м, в то время как санитарная норма на человека на тот период составляла 8 кв.м. В больших же промышленных городах, крупнейшим из которых являлся Владивосток, средняя душевая норма жилой площади составляла 3,5 кв.м.

В связи с массовыми мобилизациями на строительство края, привлечением большого количества рабочих рук жилищная проблема еще более обострялась. Темпы строительства не только капитального качественного жилья поселенцам, но и временных жилищ не поспевали за высокими темпами привлечения рабочих рук на новостройки, предприятия и в сельскохозяйственные районы края. В письме в Далькрайком ВЛКСМ о прибытии комсомольцев на Сахалин в г. Александровск молодые строители сообщали: «Жилищные условия очень плохие – нагнали нас, а помещение не приготовили, живем в землянке 8 человек, где в нормальных условиях должны жить только двое. Грязь, сырость, полно клопов, тараканов и блох. Что творится – ужас... Здесь уже стало очень холодно, выпал снег, а мы все разутые и раздетые... Говорили, что приедете туда, там все есть, но когда мы приехали сюда – здесь нет ни шиша... Говорят что взяли нас на два года, я думаю на следующий год убежать, здесь с ума можно сойти за два года, одичать» (см. прим. 2).

Особо остро проблема с жильем стояла на новостройках. В 1935 г. 1450 прибывших молодых рабочих в Комсомольск разместили во временных не пригодных для жилья помещениях. Семейные и девушки были размещены вместе с рабочими в общих комнатах. В бараках не было света, воды, столов, скамеек. Некоторые оказались не обеспечены кроватями и постельными принадлежностями, спали на голом полу. Бараки не отапливались. Особенно плохо обстояло дело с бытовыми условиями у молодых людей, посланных на лесные участки. До декабря тысяча человек не была обеспечена теплой обувью. У многих не было теплой одежды. Большинство не было обеспечено баней, крайне плохо работали столовые. Кроме того, отмечалось хищение продуктов, обвешивание, грязь, небрежное приготовление пищи. Плохо была поставлена медицинская помощь (см. прим. 3).

Положение не менялось и в дальнейшем на протяжении 30-х гг. Бюро Далькрайкома ВКП(б) отмечало в 1937 г., что «самым отстающим участком работы в г. Комсомольске следует признать заботу о человеке, состояние жилищного, коммунального и социально-культурного строительства, народное образование и здравоохранение» (см. прим. 4). Все предприятия и стройки Комсомольска переживали острый кризис жилья. Строительный корпус при потребности для нормального размещения наличного состава в 113 000 кв. м жилплощади имел всего 42 200 кв. м, а в связи с намечаемой переброской в Комсомольск трёх батальонов и поступлением вольнонаемных кадров требовалось еще 24 000 кв. м. Жилищное строительство велось очень плохо, качество сдаваемых в эксплуатацию зданий было низким, как правило, имелись недоделки: незаконченное отопление, отсутствие уборных, водопровода и канализации, зачастую отсутствовали кухни. Ко всему прочему отмечались жалобы на плохое коммунальное обслуживание и высокие тарифы на коммунальные услуги (см. прим. 5).

В тяжелом положении оказывались многие демобилизованные красноармейцы, решившие связать свою жизнь с Дальним Востоком и согласившиеся принять участие в строительстве колхозов в крае. Переселение в сельхозрайоны, а впоследствии в колхозы часто проходило без всякого плана. Дома, предназначенные для переселенцев, на 50 % представляли собой пришедшее в негодность заброшенное и бесхозное жилье, требующее капитального ремонта. В колхозе

им. Мухина Амурской области для переселенца – демобилизованного красноармейца предназначался дом, в котором отсутствовали потолок, пол, оконные колоды, рамы и двери. В подобном состоянии дома, предназначенные для демобилизованных красноармейцев, были и в других колхозах (см. прим. 6). Красноармейцы, осевшие в дальневосточных колхозах, не торопились вызывать свои семьи до полного хозяйственного устройства. Так, красноармеец, из колхоза «Восток» Владивостокского района в 1938 г. писал своей матери: «Мамаша, я много писать не буду, но с выездом ко мне пока воздержись потому, что я не знаю, уживусь я здесь или нет. Условия неважные. Хотел уже на производство пойти, но не отпускают» (см. прим. 7).

Тяжелые условия жизни, быта и работы приводили к нередким случаям дезертирства. В 1932 г. вследствие неудовлетворительного приема комсомольцев на новостройках, тяжелых жилищно-бытовых условий наблюдалось значительное число обратничества. Больше всего дезертиров было среди несовершеннолетних 14, 16, 17-летних (см. прим. 8). На Сахстрое с 1 октября 1932 г. по 1 апреля 1933 г. было принято на работу 781 человек, за этот же промежуток времени ушло 461 человек, в том числе 300 комсомольцев. На строительстве Цемзавода с апреля 1932 г. по 1 марта 1933 г. по оргнабору прибыли 3017 человек, и за это время ушли самовольно и уволились 1838 человек [1, 184].

Дезертирству, как впрочем, и многим другим явлениям в стране, стал придаваться политический характер. С дезертирством боролись ставшими привычными в советском государстве репрессивными методами. Большое внимание предполагалось уделять политико-идеологическому воспитанию молодого поколения, призывами к жертвенности ради «светлого будущего». Но проблема оставалась. И в 1939 г. на заводе № 126 текучесть рабочих кадров была одной из основных проблем производства, главной причиной которого продолжало оставаться отсутствие нормальных жилищно-бытовых условий (см. прим. 9).

По хетагуровскому призыву в край приехали тысячи девушек и юношей. Однако проблема жилья поставила многих новоселов в кошмарные условия жизни. От девушек-хетагуровок в комиссию по хетагуровскому призыву, в районные и краевые комсомольские организации постоянно поступали жалобы на размещение и невнимательное отношение местных властей. Все эти жалобы были похожи одна на другую: «в помещении, где живем, плохо: спим на голых досках и грязных мешках, холод, грязь», «контора, где работают, не отапливалась совсем, в общежитии зимних рам нет совсем, а в летних побитые стекла. Керосину не дают, свечей купить негде – сидим в темноте, помещение отапливается через день. За 3 месяца баня топилась 2 раза и то все время не успевали вымыться, так как не хватало воды». В общежитии при шахте № 3 г. Сучана хетагуровки спали на топчанах, без матрацев, одеял и простыней. Часто отсутствовала вода. В г. Артеме 5 прибывших девушек поместили в грязное неотремонтированное помещение. Они писали: «В шахте лучше, чем в квартире». В общежитии на центральной шахте Артема было размещено 15 девушек-хетагуровок. В общежитии оказались разбиты окна, грязь, невероятное количество клопов и различных насекомых. Матрацы были набиты гнилой соломой, двери сломаны и не закрывались. Девушки спрашивали: «Научите как быть? Мы приходим в полное отчаяние» (см. прим. 10).

Бюро крайкома ВЛКСМ отмечало, что комиссия по приему девушек и горком комсомола г. Хабаровска самоустранились от работы с приезжающими девушками. В результате этого девушки оказались предоставлены сами себе. Хозяйственное оборудование общежитий, в которых разместили девушек, находилось в неудовлетворительном состоянии. Отмечался недостаток простыней, полотенец, часто отсутствовала кипяченая вода, в помещении была теснота, грязь. Бюро крайкома делало выводы о том, «что комиссия превратилась в орган распределения живой силы, общежития превратились в ночлежки, что создавало среди девушек недовольство приемом, краем» (см. прим. 11).

Девушкам приходилось сталкиваться не только с тяжелыми бытовыми условиями и невероятно трудными условиями труда, но и с хамским отношением на местах местных руководителей, которые часто совсем не обращали внимание на условия, в которых оказывались девушки. «Валя, вот уже шестой месяц, как мы по окончании курсов комбайнеров на-

ходимся в зерносовхозе «Восточном» станции Кагановича,» – писали В. Хетагуровой девушки, откликнувшиеся на её призыв, – «С самого приезда мы не были обеспечены нормальными условиями жизни, и по сей час картина нашей жизни весьма неприглядная. Мы имеем плохо оборудованную комнату, старые постельные принадлежности, не имеем возможности где и чем стирать. На просьбы и требования ни директор Шетляев, ни начальник политотдела Мазин, ни секретарь комитета комсомола Овсянкин – никто абсолютно не обращает никакого внимания» (см. прим. 12). Подобные случаи были не редкость, и поэтому многие девушки, не найдя себе место в крае, возвращались в родные места. Процент обратничества в некоторых местах доходил до 80 – 100 %.

Не лучше обстояло дело и в общежитиях учебных заведений края. На заседаниях Бюро ДКК ВЛКСМ в 1938 г. рассматривался вопрос о причинах отсева студентов из учебных заведений Дальнего Востока – мединститута, техникума связи, театрально-музыкального училища и др. Одной из главных причин оттока учащихся было отсутствие нормальных бытовых условий жизни студентов и условий учебы (см. прим. 13).

Теснота, грязь, отсутствие нормального отопления в холодные периоды, плохое питание приводили к высокой степени заболеваемости среди жителей края. В сводке о состоянии охраны труда в школах ФЗУ на Уссурийской железной дороге содержались данные об осмотре состояния здоровья учащихся в начале 30-х гг. Было осмотрено 264 человек: здоровых оказалось 99 человек, больных – 165. При этом было отмечено, что заболеваемость подростков и учеников главным образом зависела от санитарного состояния общежитий, недостаточного врачебного наблюдения за учащимися. Охват подростков лечением, требуемым для поправки здоровья, не удовлетворялось на 43 %, санитарно-техническое состояние мест работ оставалось на низком уровне (см. прим. 14).

Плохие жилищные условия в условиях сурового дальневосточного климата провоцировали распространение различных инфекционных заболеваний. На них в 1938 г. пришлось наибольшее количество смертей молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет – 29,4 % от общего числа. Самым характерным заболеванием для Дальнего Востока оставался туберкулез, на его долю приходилось 58,5 % смертей от всех инфекционных заболеваний и 17,2 % от общего числа смертей (см. прим. 15). Как известно, туберкулез является социальной болезнью, и большой процент заболеваемости свидетельствует о неблагополучии условий жизни.

Безусловно, на самочувствие и ухудшение здоровья населения края большое влияние оказывало качество питания. Кризисы продовольствия начала 30-х гг. и голод не обошли и дальневосточную окраину советской страны. В январе 1931 г. по решению Политбюро Наркомат снабжения СССР ввел всесоюзную карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары. Однако карточки выдавались только тем, кто трудился в государственном секторе экономики (промышленные предприятия, государственные, военные организации и учреждения, совхозы), а также их иждивенцам. Вне государственного снабжения оказались крестьяне и лишённые политических прав («лишенцы»). Однако и с карточной системой трудно было достать продукты питания. В спецсводках о праздничных настроениях городского населения Дальневосточного края в связи с 15-летием Октябрьской революции были зафиксированы высказывания, которые произносились в очередях: «Стоишь по несколько дней в очереди и, в конце концов, уходишь без хлеба», «наши правители раздобрились и отвалят к празднику, наверное, по 3 кг муки. Ну их к черту с этой мукой, из нее ничего не сделаешь, только квашенку запачкаешь», «невеселый праздник будет, нет продуктов и хлеба», «опять пойдешь ноги отбивать, да глупости слушать. Лучше бы накормили, а то народ с голоду пухнет, по неделям без хлеба сидят», «вот привезли в столовую 1200 банок консервов и хотят этим нас накормить, а потом опять весь год будут держать голодными. От такой житухи скоро с голоду пропадать начнем. Нам не до праздника, лишь бы с голоду не пропасть» (см. прим. 16).

Продукты питания можно было купить на рынке, однако они были многим часто недоступны из-за высоких рыночных цен. Если учесть, что нередки были случаи задержки зар-

платы, многие оказывались в катастрофическом положении. Так, например, в Завитинском районе в 1933 г. задолженность по зарплате рабочим на Кивдинских коях достигала 4 месяцев. На почве недоедания отмечались заболевания целых семей.

Особенно тяжелое положение складывалось в деревнях. Во внеочередном донесении для ДКК ВКП (б) сообщалось, что в Славянке в 1933 г. члены рыбколхоза «Таке» месяцами не имели продовольствия, колхозники бродили в поисках пищи. Ими за март месяц были съедены 22 штуки павших оленей. До 60 человек лежали с опухолями на почве недоедания. В Тамбовском районе было зафиксировано 5 смертельных случаев среди колхозников на почве голода. Были случаи употребления в пищу трупов павших животных, извлеченных из скотских могильников. Однако большинство голодных составили семьи исключенных из колхозов, которые немедленно после исключения из колхоза снимались со снабжения (см. прим. 17).

Партийные и советские власти уделяли внимание проблемам здоровья и смертности населения. Однако в целях предотвращения повышения уровня смертности партийно-советское руководство выбрало пассивный путь, предполагающий наращивание возможностей государства противостоять негативным воздействиям внешней среды, не меняя в принципе условий существования. Уровень жизни в данном случае остается низким, но общество адаптируется к недостаточному питанию, к отсутствию полноценного жилья, неразвитости социальной инфраструктуры, главным образом за счет развития здравоохранения, внедрения в практику новых лекарственных препаратов [3, 31].

Действительно, в целом по стране система здравоохранения успешно развивалась. В течение 1932 – 1938 гг. бюджет государственного здравоохранения вырос почти в 6 раз, количество больничных мест было увеличено в 1,6 раза, городских амбулаторий – в 1,7 раза [3, 42]. На Дальнем Востоке общее число учреждений врачебной амбулаторно-поликлинической помощи с 1933 по 1939 гг. выросло в 2,3 раза, число больниц – в 2,4 раза, общее количество коек в них выросло в 2,3 раза [4, 188].

Все же преодолеть повышенную заболеваемость власти не удалось. Рост числа учреждений здравоохранения не поспевал за ростом населения Дальнего Востока. Уровень жизни оставался по-прежнему низким, жилищная проблема не была решена, коммунальное хозяйство не было развито, качество питания не улучшилось. Эти обстоятельства порождали высокую заболеваемость.

Особенности жизни и быта накладывали отпечаток на психологию и коммунально-бытовую культуру населения. Жизнь в экстремальных условиях, зачастую без элементарных удобств, в тесноте, в грязи становилась нормой существования. Большинство людей привыкали к подобной жизни и часто переносили дурные привычки в более благоприятные условия жизни. Советской властью были определены условия, в которых должен жить человек, поэтому с «нездоровым» бытом боролись, на страницах газет часто появлялись статьи с критикой неудовлетворительного устройства социально-бытовых условий жизни. В одной из статей «Тихоокеанского комсомольца» был описан быт коммунистов и комсомольцев, живших в общежитии Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы. В этой школе в основном учились те, кто пришел с руководящей работы. «Как правило, все ложатся на постель, не раздеваясь, в грязных, пыльных брюках, верхних рубашках, а зачастую и в обуви... В гардеробах, предназначенных, как известно, для одежды, набросаны грязные сапоги, валенки, невымытые галоши и даже половые щетки. Под кроватями грязное белье, рваные грязные носки. Общий вид комнаты неряшливый... Вся мебель переполнена клопами, но о дезинфекции никто не думает. И это творится в высшей школе, где живет и учится партийно-комсомольский актив!» [5, 4].

Многие молодые люди, оказавшиеся в тяжелых условиях жизни и работы, не справлялись с трудностями и предпочитали уходить от гнетущей реальности с помощью алкоголя. В фондах Далькрайкома ВЛКСМ содержатся материалы обследования Дальневосточного края в начале 30-х гг., где отмечалось: «Пьянство – своеобразная и печальная особенность Дальнего Востока. Пьют в крае очень много» (см. прим. 18). В Амурской области расход алкоголя

на человека в начале 30-х гг. превышал почти в три раза средства, отпускаемые на дело народного образования. Еще одним способом ухода от действительности стала наркомания, которая в конце 20-х – начале 30-х гг. представляла из себя особую опасность. В основном курили опиум и принимали морфий. В то время как наркомания захватывала все более и более широкие круги, законодательство преследовало только притоносодержателей и сбытчиков и оказывалось бессильным сдержать силу натиска развивающейся наркомании среди населения (см. прим. 19).

Отдаленность от центра, трудности, связанные со снабжением, создавали условия для ухода значительного числа молодых людей в ретрицизм посредством выпивки и наркотиков. Дальний Восток был настолько отдаленным краем от центра, а условия жизни и работы, в которых оказывались молодые люди, настолько тяжелыми, что порождали у многих чувство беспросветности и заброшенности. В одном из совхозов Приморья секретарь комсомольской ячейки распевал песни, о том, что жить тяжело, что «мы не живем, а еле существуем» (см. прим. 20).

Жизнь в экстремальных условиях, зачастую без элементарных удобств, в тесноте становилась для части молодежи нормой существования. Социально-бытовые условия, порою принимавшие экстремальный характер, вынуждали молодых людей либо бежать из края, либо уходить в ретрицизм, либо искать стратегии выживания, в результате чего складывалось своеобразие социального характера дальневосточной молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большух, А. В. Трудовой подвиг рабочего класса на новостройках Дальнего Востока (1932–1936 гг.) / А. В. Большух // Ученые записки ДВГУ. – Т. XVIII. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 1968. – 450 с.
2. Глущенко, И. И. Рабочий класс Дальнего Востока в переходный к социализму период (1922–1937 гг.) / И. И. Глущенко – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. – 216 с.
3. Исупов, В. А. Демографическая политика сталинского правительства. Конец 1920-х– 1940-х гг. / В. А. Исупов // Урал и Сибирь в сталинской политике. – Новосибирск, 2002. – С. 31-46.
4. Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Хабаровского края до 1941 г. – Хабаровск, 1941. – 206 с.
5. Тихоокеанский комсомолец. – 1935. – 28 сент. – С. 4.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 109. Д. 17. Л. 24.
2. ГАХК. Ф.П. 618. ОП. 1. Д. 269. Л. 192.
3. РГАСПИ. Ф. 1. ОП. 23. Д. 1124. Л. 2.
4. ГАХК. Ф.П. 2. ОП. 1. Д. 1351. Л. 57.
5. ГАХК. Ф.П. 2. ОП. 1. Д. 1351. Л. 57.
6. ГАХК. Ф.П. 35. ОП.1. Д. 15. Л. 144.
7. ГАХК. Ф.П. 35. ОП.1. Д. 15. Л. 135..
8. ГАХК. Ф.П. 2. ОП. 1. Д. 356. Л. 19-20.
9. ГАХК. Ф.П. 35. ОП.1. Д. 15. Л. 118.
10. ГАХК. Ф.П. 2. ОП. 1. Д. 1533. Л. 19 – 21.
11. ГАХК. Ф.П. 618. ОП. 1. Д. 312 а. Л. 292.
12. ГАХК. Ф.П. 618. ОП. 1. Д. 325. Л. 85.
13. ГАХК. Ф.П. 618. Оп. 1. Д. 314. Л. 209.
14. ГАХК. Ф.П. 618. ОП. 1. Д. 104. Л. 116.
15. ГАПК. Ф.Р. 131. ОП.10. Д. 9. Л. 3.
16. ГАХК. Ф.П. 2. ОП. 1. Д. 379. Л. 380.
17. ГАХК. Ф.П. 2. ОП. 1. Д. 943. Л. 44.
18. ГАХК. Ф.П. 618. ОП. 1. Д. 104. Л. 173 – 174.
19. ГАРФ. Ф. 1235. ОП. 107. Д. 301. Л. 28
20. ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д.104. Л.319-320.